

византийского сада (говоря словами М.А. Поляковской) уже возделали свою полянку и собрали богатый урожай, особенно уместно и необходимо почтить память тех, чьими трудами создавалось то великолепие, которое мы видим, вступая в этот сад в новых условиях.

Размышляя о публикуемых в издании письмах крупных ученых, признанных мастеров науки, поражаешься тому, с какой многогранностью и глубиной раскрывается в эпистолярном жанре человеческая индивидуальность автора. Так, письма М.Я. Сюзюмова впечатляют разнообразием сюжетов: среди них – и условия жизни и труда в послевоенном Свердловске (нынешний Екатеринбург; с. 301), и вопрос о полигамии в связи с историей средневековых ересей (с. 302–306, письмо А.Н. Чистозвонову от 9.09.1962), и спор германистов и романистов (с. 309)... Среди адресатов Михаила Яковлевича – как корифеи науки своего и нашего времени (А.Д. Люблинская, Е.Ч. Скржинская, З.В. Удальцова, Р.М. Бартикян⁴¹), так и молодые в 60-е годы ученые (М.М. Шитиков). Комплект писем читается с неослабным интересом.

Исполнены человеческим теплом письма автору С.В. Поляковой и Е.Э. Гранстрем (с. 409–411 и 413–414). Менторский тон чувствуется в письмах Б.Т. Горянова (с. 416–418). В предисловии к подборке его писем М.А. Поляковская сообщает (со слов Сюзюмова), что Горяновым был выполнен полный перевод “Истории” Иоанна Кантакузина (с. 415). Известно ли что-либо о его судьбе?

Но, конечно, центральное событие этого раздела – обширное собрание писем А.П. Каждана (с. 326–406). На сегодняшний день это – одна из двух наиболее полных публикаций такого рода в мировой византистике. Вторая содержится в “Мире Александра Каждана” (с. 413–485). Публикация писем крупнейших ученых – отрадное явление; не так давно в Москве вышел обширный том писем Ю.М. Лотмана под редакцией Б.Ф. Егорова⁴². Это последнее издание могло бы послужить образцом для могущей появиться в дальнейшем подборки писем А.П. Каждана – ведь они дают необычайно много для понимания путей развития отечественного и мирового византиноведения 1950–1990-х годов ушедшего столетия, а также для проникновения в творческие замыслы их автора. Мы уже имели случай убедиться в том, сколь важным оказался нашедший отражение в письмах спор А.П. Каждана с М.А. Поляковской относительно социальной психологии Homo byzantinus (не говоря уже о баталиях Каждана с Сюзюмовым по поводу теории континуитета). Кроме того, по чисто литературным и стилистическим достоинствам письма А.П. Каждана входят в золотой фонд “ученой эпистолографии”.

Итак, завершая рецензирование этой во всех отношениях содержательной, ярко написанной, исполненной гуманистического пафоса книги одного из видных современных ученых, следует признать, что процесс ее чтения увенчивается не только приобретением новых знаний, но и вдохновением. Хочется пожелать ее потенциальному читателю: в добрый путь!

Д.И. Макаров

Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: “Прогресс-Традиция”, 2003. 656 с., 238 ил.

Серия исследований по истории восточнохристианского искусства и духовной культуры, подготовленные в рамках научных программ Центра восточнохристианской культуры, пользуется заслуженным интересом в среде исследователей Визан-

⁴¹ О нем см.: *Жворонков П.И.* Бартикян Рач Михайлович // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 368–369.

⁴² *Лотман Ю.М.* Письма. 1940–1993/ М., 1997 (Язык. Семиотика. Культура).

тии, Руси, Кавказа¹. Обсуждаемая книга является продолжением и развитием тех концептуальных подходов, которые были обозначены в предыдущих выпусках серии. Тема сборника находится в русле того всплеска интереса к реликвиям, который захватил в последние десятилетия мировую византистику и медиевистику². Вместе с тем книга является первым в мировой науке столь масштабным исследованием реликвий именно христианского Востока (Византии, Руси, Кавказа).

Сборник тематически делится на две части – в первую часть “Византия и Христианский Восток” включены византийские, балканские и армянские сюжеты, во второй части “Древняя Русь” собраны исследования, касающиеся русской культуры средневековья и раннего нового времени. Таким образом, тематически книга охватывает значительный ареал Христианского Востока, наиболее подробно описывая византийскую и русскую православные традиции. Однако более важной представляется не столько формальная, тематическая сторона книги, сколько ее методологический заряд, нацеленность на постановку серьезных проблем, вопросов общегуманитарного характера. В сборнике делается попытка сконструировать синтетический образ предмета исследования: оказывается задействованным широкий спектр традиционных гуманитарных дисциплин, как то искусствоведение, филология, политическая и дипломатическая история, антропология. Столь же многообразны и методики участников проекта – от схематизма формального анализа до постмодернистских реконструкций средневековой ментальности, “прозрений” в глубины смыслов, порожденных религиозным сознанием, но не отраженных в источниках эксплицитно.

Сборник открывает статья известной болгарской исследовательницы Э. Бакаловой “Реликвии у истока культа святых”. Она подробно излагает саму сущность феномена реликвий, наиболее важные типы их почитания, функции реликвий в церковной, государственной и культурной жизни, подкрепляя отдельные положения исследования яркими примерами из византийской, болгарской и русской письменности. Особую ценность работе придает пристальное внимание автора к греческой, латинской и славянской терминологии, относящейся к реликвиям и в особенности мощам (с. 19–44).

Ряд статей посвящен ключевым аспектам бытования реликвий в византийской и русской традициях. Н.Б. Тетерятникова (Вашингтон) исследует месторасположение реликвий в византийском храме (фундамент, апсида, стена, престол, колонна) и в особенности их помещение в основаниях византийских храмов. По мнению автора, возникновение традиции восходит ко времени Константина Великого (с. 77–92). Этот сюжет продолжает исследование Е.В. Ухановой (Москва), которая реконструирует чин обретения мощей (на примере св. Климента Римского). Если чин и не был зафиксирован письменно, приходит к выводу исследовательница, то несомненно существовал ряд обязательных правил, регламентирующих перенесение мощей в новый храм (вечерня накануне перенесения, панихида, утренняя, торжественная литания, несение священником мощей на голове, несение через царские врата в новый храм с особыми песнопениями, литургия) (с. 132–150). Работа дьякона А. Мусина (Петербург) посвящена эволюции чина омовения мощей на Руси (с. 363–386).

¹ Иерусалим в русской культуре / Сост. А. Баталов, А. Лидов. М., 1994; Восточнохристианский храм: литургия и искусство / Ред.-сост. А.М. Лидов. СПб., 1994; Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 1996; Иконостас: происхождение – развитие – символика / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000.

² См., например: *Les reliques. Objets, cultes, symboles. Actes du colloque international* / Ed. E. Bozoky, A.-M. Helvétius. Brepols, 1999; *Angenendt A. Heilige und Reliquien. Die Geschichte ihres Kultes vom frühen Christentum bis zur Gegenwart.* München, 1997; *Legner A. Reliquien in Kunst und Kult: zwischen Antike und Aufklärung.* Darmschadt, 1995; *Gauthier M.-M. Les routes de la Foi: Reliques et reliquaires de Jérusalem à Compostelle.* Fribourg, 1983; *Brown P. The Cult of the Saints: its Raise and Function in Latin Christianity.* Chicago, 1981. Ссылки на каталоги выставок, касающихся темы реликвий, см. во введении к рецензируемому сборнику и в статье Е. Бакаловой (с. 19 сл.).

Яркое освещение получает в сборнике Мандилион и связанные с ним реликвии, как центральный, структурообразующий элемент храмовой сакральности. А.М. Лидов (Москва) показывает, что, путем воспроизведения Мандилиона и Керамиона на восточной и западной подпружной арке византийских храмов имитировался важный структурный элемент Фаросской церкви; тем самым создатели иконографических программ устанавливали символическую связь между конкретной церковью с Фаросской церковью императорским храмом-реликварием и далее – с Храмом Гроба Господня (с. 249–280). Г. Вольф (Флоренция) исследует Новгородский Мандилион (с. 281–290), а М. Эммануэль (Афины) – изображения Мандилиона в храмах Мистры (с. 291–304).

Следующая группа статей сосредотачивается на роли других значимых реликвий. А. Семоглу (Фессалоники) пытается выявить семантические и символические связи между Честным Крестом и Главой Крестителя (с. 217–233). Фундаментальная работа М. Баччи (Сиена) устанавливает состав реликвий знаменитой Фаросской церкви в Большом Дворце (с. 234–248). Дж. Маджеска (Мэриленд) составил каталог константинопольских реликвий, зафиксированных в путевых заметках средневековых русских путешественников (с. 387–397). Работа Т. Царевской (Новгород) посвящена судьбам реликвий, привезенных из Константинополя Антонием Новгородским (с. 398–414).

Видное место в сборнике занимают исследования, посвященные отдельным иконам и иконографическим мотивам: И.А. Шалина (Петербург) дает новую и весьма убедительную интерпретацию происхождения иконографии “Христа во Гробе” (с. 305–336), Э.С. Смирнова анализирует киево-печерское “Успение”, Л.А. Беляев – древнерусские каменные иконки, М.Н. Бутырский (Москва) – происхождение и иконографические типы образа Христа Халкитиса (с. 337–350), Дж. Гарнетт, Дж. Россер (Оксфорд) – иконографию Христа с тремя головами на иконе Мадонны Монталлегро (с. 351–360), а работа И. Стерлиговой посвящена Покрову Богоматери в древнерусской иконографии.

Следует отметить также анализ влияния культа реликвий на храмовую архитектуру. Статья И. Цафира (Иерусалим) суммирует новейшие археологические материалы из Святой Земли, данные письменных источников о почитании реликвий Палестины в эпоху раннего средневековья, влияние культа реликвий на архитектуру, а также последние археологические находки древних реликвий, из которых удалось идентифицировать пока лишь только часть (с. 56–76). Армен Казарян (Москва) исследует способы хранения реликвий и их демонстрации, эволюцию форм реликвариев в средневековой Армении (с. 93–120). В фундаментальной статье В.В. Седова на примере княжеских усыпальниц дается детальная типология погребальных пространств в архитектуре Древней Руси (с. 447–481). Гробницам святых в русском храме XVI–XVII вв. посвящена работа А.Г. Мельник.

Как уже отмечалось, сборник отнюдь не ограничивается сугубо искусствоведческой тематикой. Проблема бытования реликвий в политической, дипломатической и обыденной жизни развивается целым рядом авторов, придавая всему проекту в целом необходимую междисциплинарную широту и рельефность. Так, Лиз Джеймс (Суссекс) приходит к выводу, что между почитанием реликвий и икон в Византии, возможно, существовала существенная разница: не исключено, что иконы были объектом, как правило, публичного поклонения, а реликвии служили по преимуществу частным нуждам (с. 45–55). Д. Попович (Белград) исследует место реликвий в политической жизни средневековой Сербии. Как она показывает, появление “политической программы” собирания мощей совпадает в Сербии с борьбой за государственную независимость (с. 161–180). Работа М. Евангелату (Афины) посвящена своего рода “заочной” полемике между иконопочитателями и иконоборцами на маргиналиях Псалтырей IX в. (с. 181–204). Э. Истмонд (Ворик) развивает идею ассоциативной связи между Честным Крестом и византийским императором как главным хранителем этой реликвии. Проанализировав использование частиц Креста в византийской дипломатии, автор приходит к выводу, что после 1204 г. монополия Византии на хранение Креста была разрушена (с. 205–216).

В сборнике читатель найдет также и антропологическое измерение проблемы: Ф.Б. Успенский (Москва) сравнивает отношения русской, скандинавской и византийской ментальности к нетленности тела святых (с. 151–160), а О.В. Белова рассуждает о восприятии человеческих останков в фольклорном сознании (с. 638–648).

Особо следует отметить богатый иллюстративный материал, выполненный на высоком профессиональном и полиграфическом уровне (последнее – несомненный успех издательства “Прогресс-Традиция”). Многие иллюстрации в силу своей уникальности обладают самостоятельной научной значимостью.

Оценивая сборник в целом, хотелось бы подчеркнуть следующее. Несмотря на то что в исследовательской программе Центра участвуют десятки отечественных и зарубежных ученых, в них явственно прослеживается определенное концептуальное единство или некая общая методологическая стратегия, задаваемая ее инициатором. Уже вышедшие выпуски, посвященные храму, чудотворной иконе и иконостасу в восточном христианстве, представляют собой не столько “коллективные монографии” (жанр – изживший себя уже в 1980-х годах), сколько некие “руководства” по объемным темам, которые, будучи совокупностью индивидуальных вкладов авторов сборника, превращены в осмысленное целое единым интерпретационным ракурсом. Этот новый и становящийся все более влиятельным в мировой гуманитарии способ писания коллективных трудов, на мой взгляд, и предопределяет научный успех проектов, иницируемых А.М. Лидовым. Они выглядят фундаментальными, фактологически насыщенными, методологически новаторскими. Обсуждаемый сборник статей о реликвиях вполне вписывается в обозначенную схему.

Более того, А.М. Лидов претендует на поиск нового научного языка. Старые языки гуманитарного дискурса все менее вняты для современного слуха. А.М. Лидов идет путем амальгамирования традиционного научного инструментария в некий новый гуманитарный метаязык, в котором непротиворечиво бы соседствовали почти мистическое “умное” *видение* исторических смыслов с педантичным формализмом традиционных исследовательских методик. Вот, например, как А.М. Лидов формулирует сущность вырабатываемого им метода в своем исследовании Мандилиона: «[Затронутая] тема указывает на необходимость обсуждать явление, которое можно было бы назвать “иконаграфия вне изобразительных схем”. Путем сочетания изображений создавался иконный образ сакрального пространства, которое, в свою очередь, становилось образцом для воспроизведения... Эта пространственная образность не поддается формализации, поскольку она в принципе не является *иллюстрацией конкретного текста* [курсив мой – Р.Ш.]... Традиционная методология иконографических исследований так или иначе подчиняется основополагающему принципу “текст – иллюстрация”, что не позволяет выявить целый пласт важнейших сюжетов, для описания которых у нас до сих пор нет адекватного научного языка» (с. 267).

Другими словами, А.М. Лидов призывает пересмотреть привычные эпистемологические конфигурации, традиционные способы классификации объектов исследования, обнаружения в них тождества и различия. Сформируется ли в результате этих призывов новая гуманитарная методология – время покажет. Ясно одно – в современной гуманитарной науке отчетливо вырисовываются признаки системного кризиса, гуманитарная мысль не удовлетворена собственной разобщенностью, разпыленностью, “архаичностью” собственного инструментария. В этом смысле по-настоящему современный гуманитарный текст не может не быть “философствующим”, концептуальным, эвристическим. Обсуждаемая книга как раз и говорит о насущной необходимости выработать такую методологию, которая бы позволила создавать синтезирующие тексты “нового поколения”, охватывающие человеческое во всех возможных его аспектах, без изъятий и умолчаний.

При всех своих достоинствах сборнику не удалось избежать мелких недосмотров. Приведем несколько примеров. Читатель с удивлением обнаруживает, что русское и английское предисловие к книге, написанные А.М. Лидовым, существенно

отличаются друг от друга по содержанию, причем, английский вариант является более пространным (с. 5–15). Остается неясным, с каких все-таки пор в православной церкви появляется эксплицитное предписание помещать мощи в основываемых храмах (III–IV вв. – в статье Н.Б. Тетерятниковой, VIII в. – у Е.В. Ухановой). Редактор так и не определился с орфографией имени эдесского царя, традиционно именуемого в русской литературе Авгарем: Авгарь (с. 250–251, 288), Авгар (с. 251, 259). Еще одно существенное противоречие: Е. Бакалова считает, что “*благоухание* и соответственно *нетленность останков* – один из существенных признаков святости умершего и распространенный топоним в христианской литературе”, ссылаясь при этом на специальное исследование византийской агиографии, выполненное М. Капланом³ (с. 27–28); в то же время Ф.Б. Успенский полагает, что для русской и скандинавской ментальности святость определяется нетленностью, неповрежденностью, целостностью тела, а вот для греков, напротив, скорее отсутствием плоти на костях.

Взыскательного читателя несколько разочаруют встречающиеся огрехи в наборе греческих текстов, в которых пропущены знаки придыхания и ударения. Небрежность в издании – болезнь не только отечественного книгоиздания, от нее страдают в последние годы и ведущие зарубежные научные издательства. Типографские огрехи – плата за попытки удешевить издательский процесс. При всем понимании трудностей книгоиздателей, нам тем не менее не следует смиряться с явными их недоработками. Так, в рецензируемом сборнике, в значительной своей части посвященном грекоязычному культурному пространству, огрехов в греческой орфографии предостаточно (см., например, с. 21, 122, примеч. 8; с. 127, примеч. 34–35; 218, примеч. 4; 292, примеч. 4 и т.д.

Однако замеченные погрешности в целом не влияют на общее благоприятное впечатление от книги.

В заключение хотелось бы поделиться и некоторыми соображениями о другой, скорее внешней, организационной стороне обсуждаемого научного проекта. Большинство работ иностранных коллег изданы в книге на языке оригинала (английском, французском, немецком) с русским резюме, как это иногда делается сейчас в подобных научных изданиях. Несомненно, это придает книге долю “конвертируемости”, доступности за рубежом, и, кроме того, избавляет иностранных авторов от необходимости переиздавать свои работы на языке оригинала. Однако мой собственный опыт показывает, что иностранные статьи все же предпочтительнее было бы переводить на русский. И дело не в том, что отечественные коллеги не смогут прочесть иностранную работу – для профессиональных ученых такой проблемы не существует, – а в том, что непереуведенный иностранный текст остается *чуждым* русской научной письменности, находится за пределами ее круга. Именно перевод – важнейшее средство обогащения отечественной научной традиции теми способами аргументации, языковым и логическим инструментарием, стилем научного нарратива, особым гуманитарным духом, которые являются специфическими для каждой из национальных школ. Именно перевод облегчает восприятие этой специфики, позволяет сделать *собственную* ткань исследования разнообразнее и сложнее. И именно поэтому традиция перевода иностранных работ существует издавна и продолжает развиваться во всем мире. Я сторонник того, чтобы переводить наших иностранных коллег, издающихся в отечественных изданиях.

Рецензируемый сборник представляется весьма ярким явлением в отечественной византистике и русистике последних лет и, несомненно, заслуживает читательской благосклонности. Помимо того, что книга ценна как фактографический и иллюстративный свод, она ставит серьезные методологические проблемы, от решения которых зависит будущий облик гуманитарной науки.

Р.М. Шукуров

³ Kaplan M. Les normes de la sainteté à Byzance // Mentalité. Т. 4. 1990. P. 15–34.